DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02

КРИЗИСНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.В. Петухов

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич, кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. Для связи с автором: petuhovvv@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 13.06.2016. Принята к печати: 27.06.2016

Исследование выполнено в Институте социологии Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00218).

Аннотация. Опираясь на результаты мониторинговых исследований Института социологии РАН, автор анализирует особенности "новой кризисной реальности" и ее влияние на политический процесс современной России, восприятие гражданами страны деятельности властей разного уровня и ключевых общественных структур. Переориентация внимания общества с внешнеполитической повестки на проблемы ежедневных жизненных практик существенно снизила уровень доверия к большинству государственных и общественных институтов, вернув их к показателям "докрымского" периода. При этом, судя по опросам, общество пока "инфантильно" реагирует на кризис, не стремясь к переменам ни экономическим, ни политическим, все надежды на выход из кризисной ситуации возлагая на главу государства. В связи с этим автор основное внимание уделяет перспективам эволюции политического режима и возможной реакции российского общества на те или иные варианты этой эволюции. В частности, в статье предпринята попытка ответить на вопрос: существуют или нет в обществе социальные предпосылки для окончательного перерождения "суперпрезидентской республики" в авторитарный персоналистский режим? Автор, опираясь на данные исследования, дает отрицательный ответ на этот вопрос, отмечая, что большинство россиян связывают будущее страны с такой организацией общественной жизни, которая обеспечивает права человека, свободу самовыражения личности, т.е. с демократией, даже несмотря на критичное отношение к ее российской версии. Просматриваются также контуры формирования будущей коалиции, в ней потенциально заинтересованной, в лице так наз. самодостаточных россиян, которые, с одной стороны, ориентированы на стабильность, на конструктивный диалог с властями, а с другой – не нуждаются в государственном патронаже.

Ключевые слова: кризис; новая реальность; демократия; политические институты; доверие; политический режим; президент; гражданские права; "самодостаточные россияне".

Внутриполитические и международные события последних двух лет, в эпицентре которых оказался экономический кризис, существенным образом повлияли на социальное самочувствие россиян. И хотя не сбываются многочисленные прогнозы, обещающие скорую экономическую разруху, в обществе нарастет атмосфера неопределенности. "Поползли" вниз практически все показатели социального самочувствия, почти до 40% выросла доля россиян, сомневающихся в том, что страна движется в верном направлении[1]. В целом

[1] Эмпирическую базу настоящей статьи составили результаты исследования Института социологии РАН "Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах", проведенного в 2014-2016 гг. по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения, а также результаты мониторинговых исследований ИС РАН предшествующих лет.

же кризис 2014-2016 гг. показал то, что было видно многим и раньше: концентрация власти на ее верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других "несущих" конструкций политической системы, экономических и социальных институтов начинает представлять серьезную угрозу для настоящего и будущего России. Причем один из существенных аспектов этой угрозы – ментальная и институциональная неготовность элиты и общества к затяжному кризису, а также непонимание ими его природы.

Как отмечает один из видных российских бизнесменов, генеральный директор компании "Вымпелком" М. Слободин, "Россия переживает сегодня не просто экономический кризис, когда кажется, что "в 2015 году стало плохо, в 2016 году станет лучше, а в 2017 уже все более-менее наладится, просто надо только дотерпеть. Это наступление абсолютно другой реальности, которая не исчезнет сама по себе за пару лет в силу изменения конъюнктуры на мировых рынках или ввиду изменений в модели управления нашей страной. И все мы едем по очень глубокой колее в направлении, которое нам, мягко говоря, не нравится. Чтобы выбраться из этой колеи, потребуется очень много усилий большого количества людей. Без гарантированного результата, но с гарантированными сложностями"[2]. Автор, как и другие эксперты, обращает внимание на тот факт, что развивающийся в стране кризис все в большей степени приобретает черты системного, далеко выходящего за пределы экономики как таковой. "Новая реальность" все чаще начинает напоминать старую в том смысле, что кризис не только породил новые проблемы и противоречия, но и актуализировал старые, существовавшие все последние годы и даже десятилетия, но которые не были очевидны в "сытые" 2000-е годы. Например, отсутствие механизма перевода многообразных индивидуальных, групповых, прежде всего экономических интересов на язык общезначимых проблем. За 25 лет в стране так и не появились сильные независимые профсоюзы, нет ни одной партии с отчетливо выраженной "тред-юнионистской" повесткой. Отсюда чрезвычайно инфантильная реакция общества на кризис, все надежды на главу государства, который "разрулит" все проблемы и вернет России былые статус и величие.

Весомый вклад в консолидацию общества вокруг президента внесли его внешнеполитические действия, поддержка которых нашла свое отражение в формировании так наз. путинского большинства и выразилась в заметном (особенно после "крымской весны" 2014 г.) росте его рейтинга. Указанное обстоятельство, однако, не следует преувеличивать. Разовые, даже самые популярные действия главы государства дают прибавку рейтингу в 5-7%, но не это определяет качественную картину. Для большей части россиян президент остается гарантом стабильности, лидером, отстаивающим привычные общественные реалии, но уже в условиях внешних угроз и усилившегося кризиса в экономике. Не следует также забывать, что с некоторыми колебаниями рейтинг В.В. Путина был достаточно высок все годы его пребывания в Кремле и, как показывали исследования, устойчиво коррелировал с объективными экономическими показателями развития страны и оценками собственного экономического благополучия российскими гражданами. Россияне вполне рационально одобряли на протяжении всех 2000-х годов власть, при которой росло их благосостояние.

Зависимость рейтинга В.В. Путина от социального самочувствия населения сохранилась и сегодня. Ухудшение экономической ситуации в стране обуслови-

[2] Слободин М.Ю. 2016. Это не кризис, ребята, это другая реальность. – *Деловой квартал*. Доступ: http://www.dk.ru/blogs/post/eto-ne-krizis-rebyata-eto-drugaya-realnost (проверено 10.06.2016).

ло определенную коррекцию показателей доверия к главе государства, другим государственным и общественным институтам, причем в большинстве случаев в сторону их снижения. Если показатели уровня доверия к Путину упали не столь заметно (с 78% в марте 2015 г. до 72% в марте 2016 г.), то снижение уровня поддержки других ключевых публичных государственных структур оказалось гораздо более существенным: правительства, руководителей регионов (снижение по сравнению с октябрем 2014 г. на 18%), палат российского парламента (снижение поддержки на 10-12%). "Просели" показатели доверия, особенно за последний год, также к таким разным государственным органам и общественным объединениям, как местное самоуправление, политические партии, общественные и правозащитные организации, судебная система, профсоюзы. Обращает на себя внимание последовательное и неуклонное на протяжении последних полутора лет снижение уровня доверия к российскому телевидению (с 44% в октябре 2014 г. до 35% в марте 2016 г.). Не претерпело значительных изменений отношение граждан к полиции, прессе, Русской Православной Церкви (РПЦ). Опрос зафиксировал рост доверия лишь в отношении российской армии (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Динамика уровня доверия россиян государственным и общественным институтам, %
Dynamics of Russians' Level of Trust in State and Public Institutions, per cent

	2012	2014 март	2014 октябрь	2015 март	2015 ноябрь	2016 март
Президенту	**55**	60	**78**	78	75	72
Правительству	43	43	56	49	52	38
Руководителю региона	38	43	48	43	43	30
Органам местного самоуправления	*	32	34	27	29	22
Государственной Думе	24	25	32	29	32	22
Совету Федерации	24	28	34	30	31	22
Политическим партиям	15	15	17	17	17	12
Полиции, органам внутренних дел	21	30	28	32	32	29
Прессе (газетам, журналам)	21	32	33	30	30	30
Телевидению	31	41	44	38	37	35
Российской армии	50	61	62	65	65	67
Профсоюзам	21	24	26	24	27	22
Судебной системе	17	24	24	26	26	22
РПЦ	55	55	50	50	51	47
Общественным и правозащитным организациям	37	31	37	35	34	31

В целом же отношение российских граждан к большинству государственных и общественных институтов постепенно возвращается к показателям "докрымского" периода. За одним, но весьма существенным исключением. В глазах общества резко усилилась значимость "силовой компоненты" российской государственности. По сравнению с 2012 г. число россиян, позитивно относящихся к армии и доверяющих ей, увеличилось сразу на 17% (с 50% в 2012 г. до 67%

в 2016 г.). Чуть более сдержаны в своих оценках молодые респонденты в возрасте 18-30 лет, среди которых доверяют российской армии 56%, тогда как среди старшего поколения (свыше 60 лет) этот показатель самый высокий – 73%.

По отношению к полиции рост чуть менее существенный, но тоже вполне определенный – с 21 до 29%. Возможно, это связано с тем, что проблема уличной, бытовой преступности сегодня существенно менее актуализирована в массовом сознании, чем пять – семь лет назад. Однако, в отличие от армии, даже такой заметный рост симпатий не смог переломить укоренившееся в обществе настороженное отношение к правоохранительным органам. Также со знаком "минус" оценивается деятельность судебной системы, органов местного самоуправления, что не может не вызывать тревогу, поскольку именно эти институты чаще всего взаимодействуют с населением.

Все структуры, олицетворяющие собой то, что принято считать гражданским обществом, по-прежнему не в состоянии на равных конкурировать с государственными инстанциями ни в реальных практиках, ни в восприятии общества. Единственный общественный институт, уровень поддержки которого сравним с властными структурами, – это Церковь. Другой вопрос, можно ли считать нынешнюю РПЦ подлинно общественным, неправительственным институтом в условиях все более отчетливо выраженного ее "огосударствления". Сегодня РПЦ вместе с президентом и армией формирует каркас новой конфигурации российской государственности, основу так наз. консервативного консенсуса, где не только общественные институты, но и представительные органы власти играют все менее значимую роль.

Возникает вполне закономерный вопрос о перспективах эволюции политического режима и возможной реакции российского общества на те или иные варианты этой эволюции. Многое здесь будет зависеть от глубины и длительности экономического кризиса и от того, каковы будут его политические последствия. Пока бо́льшая часть российской политической и бизнес-элиты полагает, что модернизация политической системы нежелательна и даже невозможна. Наиболее вероятным представляется окончательное оформление политического режима в аналог голистского во Франции 1960-1970-х годов, сочетающего "либеральную экономику, жесткую власть, независимую внешнюю политику" [Никонов 2003: 37]. Другие, каких немало в современном мире, прогнозируют окончательное перерождение "суперпрезидентской республики" в авторитарный персоналистский режим, чрезвычайно зависимый от личностных качеств его носителя [Российское государство... 2014].

С тем, что политическая система современной России дрейфует в направлении противоположной демократии, сегодня согласны практически все отечественные и зарубежные исследователи. Спорным представляется другой вопрос: насколько сложившаяся в стране за последние годы институциональная политическая система и тип государственности соответствуют состоянию общества. Существуют или нет социальные предпосылки для отмеченного выше тренда? Дать однозначный ответ на этот вопрос чрезвычайно сложно. С одной стороны, стоить напомнить, что запрос на "русского Пиночета" возник еще в ельцинские времена и отнюдь не в толще "народной жизни", а в головах "высоколобых интеллектуалов", некоторые из которых до сих пор вхожи во властные кабинеты.

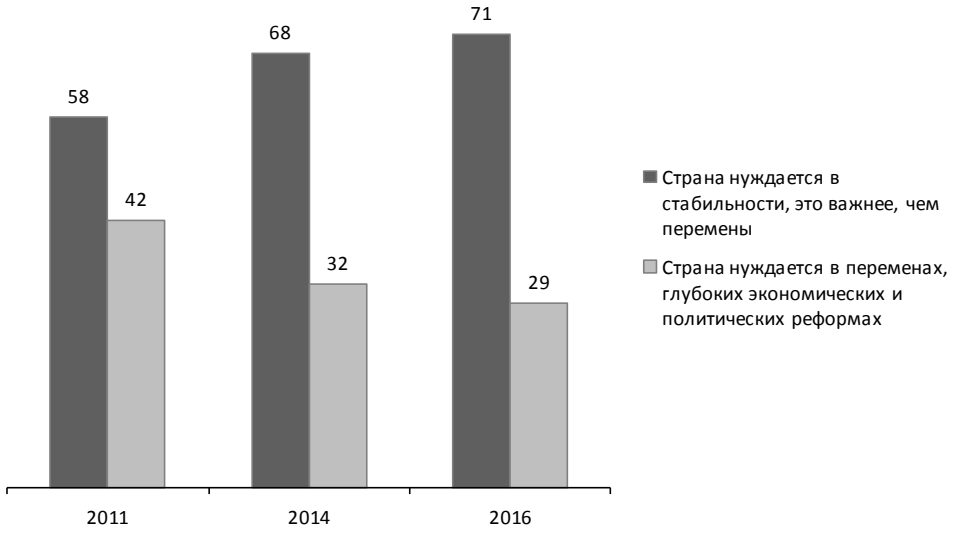
С другой стороны, невозможно отрицать и того, что запрос на сильную власть характерен как для околовластной политической и бизнес-элиты, так и для зна-

чительной части россиян. В обществе, судя по полученным в ходе исследования данным, также пока не ощущается потребности в переменах, ни экономических, ни политических. Число россиян, ориентированных на статус-кво, за последние пять лет выросло, причем весьма существенно: с 58% в 2011 г. до 71% в 2016 г. И лишь менее трети опрошенных высказались в поддержку тезиса "Страна нуждается в переменах, глубоких экономических и политических реформах" (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Динамика ориентаций россиян на перемены или стабильность, %

Dynamics of Russians' Commitment to Changes or Stability, per cent

Ориентация на стабильность, однако, вовсе не тождественна согласию общества на застой и деградацию. Россияне боятся вовсе не перемен, а дестабилизации ситуации в стране, радикальной ломки привычных устоев жизни, после которой стране, чтобы прийти в себя, требуются годы, а иногда и десятилетия. Они не имеют ничего против модернизации экономических и политических институтов, но понимают, что демократизация и либерализация российского общества – лишь один, причем не самый вероятный из возможных сценариев выхода России из кризиса. Сегодня веер обсуждаемых экспертами вариантов этого выхода как никогда широк. А. Колесников характеризует его следующим образом: "Кто-то сегодня говорит об инволюции, обратном движении режима назад, к советской власти. Кто-то, что это не инволюция, а просто эволюция режима к большей авторитарности. Иные ждут революцию, обнаруживая в гражданском активизме нуклеус перемен, а в участившихся трудовых протестах – новую волну демократии" [Колесников 2016].

Как показывают исследования, значительная часть россиян, помня богатую самыми невероятными и непредсказуемыми событиями историю, резервирует за собой право, вслед за многими политиками и политологами, весьма уклончиво прогнозировать будущее страны, даже ближайшее. "Торговля страхами", невротизация населения возможными глобальными или внутренними катаклизмами, проводившиеся федеральными каналами на протяжении последних двух лет, дают о себе знать, формируя тревожную атмосферу в обществе. Так,

более трети опрошенных считают маловероятной, но в принципе возможной революцию, столько же не исключают войну со странами Запада, "дворцовый переворот", более четверти – гражданскую войну, диктатуру, распад России. Именно поэтому инерционный сценарий россиянам представляется не самым плохим вариантом: без внешнеполитических "загогулин", без волюнтаристских экономических экспериментов, без агрессивной политической конфронтации. При этом экономическая и политическая стабильность, как и запрос на нее, отнюдь не препятствует проведению нужных стране реформ.

Более того, по мнению некоторых исследователей, "кризисная стабильность" может выступать своеобразным триггером общественных преобразований – когда они ориентированы на реализацию "общего блага". Социально-экономический кризис, как считает известный российский политолог Ю. Красин, сулит не только ужесточение авторитаризма, но и ясно обнаруживает границы его возможностей. Административно-бюрократическая вертикаль не в состоянии справиться с негативными последствиями кризиса. Начиная сознавать собственное несовершенство, власть вынуждена будет искать иные способы деятельности. А поиск дает импульс общественной рефлексии и развитию публичной сферы. Из этого высвечиваемого кризисом внутреннего противоречия, возможно, появится новая демократическая альтернатива, которая изменит вектор развития политической системы [Красин 2009: 488]. О вероятности появления такого рода альтернативы свидетельствует и ряд эмпирически зафиксированных сдвигов в общественных настроениях.

Речь прежде всего идет о характере общественной поддержки В. Путина. Во-первых, консолидация общества вокруг президента носит отнюдь не тотальный характер, в стране есть немало людей, которые, доверяя ему, далеко не во всем поддерживают его начинания. Тем более сегодня, когда посткрымская эйфория спала и вновь актуализировалась внутриэкономическая и внутриполитическая проблематика.

Чем менее оптимистичны оценки респондентами изменений в жизни страны, тем большее их число "мигрирует" из стана безусловно поддерживающих его деятельность в стан колеблющихся, поддерживающих, но с оговорками. Данные из табл. 2 наглядно иллюстрируют эту тенденцию. Эти группы населения продолжают доверять президенту, рассчитывая, что ему удастся справиться с возникшими в экономике (и не только в ней) проблемами. Однако 42% "условной поддержки" свидетельствует о некоторой неуверенности "лояльного большинства", что их надежды сбудутся.

В связи с этим можно предположить, что при сохранении нынешнего тренда снижения уровня жизни населения рейтинг В. Путина и дальше будет снижаться и вернется к показателям до "крымского казуса". Прежде всего, за счет тех групп и слоев населения, которые в ходе кризиса начнут "выпадать" из среднего класса и утратят привычные жизненные ориентиры и чувство стабильности.

Во-вторых, высокий уровень поддержки института Президента, а не персонально В. Путина, в значительной степени обусловлен институциональным кризисом, с которым столкнулась Россия в последние годы, что выражается в сравнительно невысоком уровне общественной поддержки большинства государственных и общественных институтов, прежде всего российского парламента. Безусловно, кризис парламентаризма в большой степени носит "рукотворный"

характер. И исполнительные органы власти, и медиа, и часть оппозиции много сделали для дискредитации парламента в глазах общества, канализируя именно на него общественное недовольство. Это было не сложно, учитывая, что и сами "народные избранники" создали немало информационных поводов для такого недовольства, принимая зачастую не те законы, которых от них ждет общество. Сказались и объективные причины, связанные с отсутствием у российского парламента реальных, а не формальных возможностей формировать правительство, контролировать его деятельность, участвуя тем самым, наряду с исполнительной властью, в принятии и реализации важных государственных решений.

Таблица 2 (Table 2)

Оценка россиянами перемен, произошедших за 2015 г. в стране в зависимости от отношения к деятельности В. Путина на посту президента России, %

Russians' Evaluation of the 2015 Changes in the Country and in the State of Family's Finances, Depending on the Estimation of V. Putin's Activity as Russian President, per cent

Вопросы / варианты ответа	Каково Ваше отношение к деятельности В. Путина на посту президента России?		
	Поддерживаю	Отчасти поддерживаю, отчасти нет	Не поддерживаю
Среди всех опрошенных	**50**	**42**	**8**
Как Вы оцениваете перемены, произошедшие в России за последний год?			
Произошли значительные перемены к лучшему	87	11	2
Произошли некоторые перемены к лучшему	67	32	1
Произошли некоторые перемены к худшему	51	44	5
Произошли значительные перемены к худшему	27	53	20
Никаких перемен не произошло	59	36	5

Взаимное отчуждение представительной власти и общества объективно создает предпосылки как для усиления президентской власти, расширения каналов его прямого, без "посредников" общения с населением, так и активизации социального взаимодействия граждан вне формальных институциональных рамок. Яркий пример такого общения был продемонстрирован в конце 2015 г., когда президент России, фактически "через голову" местных властей, обратился к жителям Крыма за советом о необходимости подписывать с властями Украины новый договор, касающийся поставок электроэнергии на полуостров.

Но и в этом случае считать, что В. Путин управляет Россией исключительно в "ручном режиме", нет оснований, хотя бы по той причине, что в современном сложноорганизованном обществе поставить под контроль федеральных властей всех агентов рынка, региональных и территориальных сообществ, гражданских инициатив практически невозможно. Для этого у них просто нет финансовых и административных ресурсов. Да еще в такой огромной стране, как Россия. Более того, в условиях нарастания кризисных процессов верховная власть может пойти на делегирование решения многих жизненно

важных, прежде всего социальных проблем, институтам гражданского общества, что позволило бы "разгрузить" многие государственные органы, решить проблему кадрового управленческого голода в центре и на местах. Наличие в этих условиях пусть формальных, зачастую имитационных или находящихся в "замороженном" виде демократических институтов в перспективе сохраняет возможность для реализации гражданами своих политических и гражданских прав в тот момент, когда они это сочтут необходимым, и в тех формах, которые они сочтут нужными. Е. Шульман подмечает малозаметное, но значимое отличие "гибридного режима" (авторитаризм с элементами демократии) от чисто авторитарного, которое состоит в том, что он не только симулирует отсутствующую демократию, но и изображает диктатуру, которой тоже не существует в реальности [Шульман 2014].

Наконец, есть большие сомнения в наличии того, что в советские времена называлось "общественно-политическим единством общества", без которого режим личной власти существовать не может. Безусловно, невозможно отрицать формирование в начале 2014 г. "крымского консенсуса", когда вокруг власти и персонально В. Путина объединились представители практически всех существующих в России политических партий, сторонники самых разных идеологических течений – коммунисты, националисты, часть либералов и т.п. Связь высокого рейтинга В. Путина с присоединением Крыма и другими внешнеполитическими действиями отмечалась всеми социологами и политологами. Как пишет Д. Тренин, украинский кризис и режим санкций только сплотили россиян в поддержке "посткрымского" внешнеполитического курса. Современная внешне- и внутриполитическая логика развития страны есть прямое следствие не только единоличного управления В. Путина, но и укрепившихся в элите и у граждан мессианских настроений. Вера в собственную историческую миссию и в то, что Россия есть отдельная цивилизация, ядро "русского мира", прочно вошли в массовое сознание [Тренин 2015]. Уровень отмеченной Д. Трениным сплоченности был действительно высок, однако даже в период так наз. крымской весны (март – август 2014 г.) он охватывал далеко не все группы и слои общества. Более того, "крымская весна" привела к резкой поляризации общества на большинство, поддерживающее курс властей, и меньшинство, его активно отторгающее. Глубокий раскол, произошедший в связи и вокруг событий в Крыму и на Украине, как показывали исследования Института социологии [Российское общество... 2015: 105], имели очень мало пересечений с обычными социально-демографическими факторами. Размежевание часто происходило внутри семей, дружеских компаний, на работе, где угодно.

Однако вскоре выяснилось, что отмеченный консенсус носил ситуационный характер и был довольно скоротечным. Россияне "устали" как от Крыма и вялотекущего конфликта на Юго-Востоке Украины, так и от отсутствия у российских властей стремления преодолеть этот конфликт как можно быстрее. Так, если воссоединение Крыма с Россией в начале 2014 г. приветствовали 70% россиян, то весной 2016 г. – уже 59%. Происходит переосмысление действий России на Юго-Востоке Украины. Половина опрошенных россиян (50%) считают, что участие российского руководства в урегулировании ситуации в этом регионе не принесло пользы нашей стране и имело скорее отрицательный эффект, лишь треть с этим не согласились (33%).

Непрочность "крымского консенсуса" была обусловлена не только ослаблением внимания общества к Украине и его переключением на проблемы собственной страны. Реанимация архетипов массового сознания, особенно ярко проявившаяся в 2014-2015 гг. в актуализации ценностей державности, антизападничества, русского мира, столкнулась с реалиями "капитализма по-российски", в котором побудительные мотивы обыденных жизненных практик людей были далеки от национал-патриотической риторики российских политиков и электронных СМИ. Россияне довольно быстро осознали, что повышение международного влияния страны имеет конкретную "цену" и сопровождается сопротивлением других внешнеполитических игроков, а значит, ведет к повышению вероятности новых конфликтов и проблем, которые сказываются на толщине "кошельков". Сегодня около 60% россиян открыто заявляют о приоритете личных интересов над интересами страны и общества (а среди молодежи – до 66%). И это, пожалуй, главное обстоятельство, которое объективно не даст свершиться консервативной революции даже при 70%-й поддержке ее лозунгов и идей.

Говоря об отсутствии идеологической гомогенности российского общества, следует также учитывать, что и нынешняя российская власть, в отличие от советской, сама не слишком заинтересована в тотальном единомыслии. Она, как отмечает Д. Фурман, может быть в безопасности при большей идейной свободе и плюрализме – лишь бы эти свобода и плюрализм не вели к реальным политическим действиям в масштабах, которые угрожают власти [Фурман 2010: 176]. Наличие этой свободы позволяет властям менять конфигурацию идейно-политических приоритетов (прежде всего в медийном поле) в зависимости от решаемых в данный момент задач. Достаточно вспомнить концепты "суверенной демократии", "модернизации", "русского мира". Обществу же легко адаптироваться к ценностному многообразию, поскольку для него самого характерен идейный релятивизм, причудливое переплетение и одновременно весьма органичное сочетание идей и смыслов из разных, зачастую альтернативных доктринальных систем, нередко ставящее в тупик многих российских и зарубежных исследователей.

Скажем, установки на либеральные практики реализации индивидуальных жизненных стратегий (конкурентность, активизм, расчет на собственные силы, стремление к переменам, важность свободы, ориентация на частную жизнь) соседствуют с охранительно-консервативными представлениями о месте государства в жизни российского общества, его места и статуса на международной арене. А симпатии ценностям "величия державы" не мешают многим гражданам России по мере возможности сокращать свою зависимость от властей разного уровня.

Наконец, самое главное. Несмотря на критичный настрой в отношении российской версии демократии, наши сограждане не видят ей альтернативы. Будущее страны большинство (63%) связывает с такой организацией общественной жизни, которая обеспечивает права человека и свободу самовыражения личности, т.е. с демократией. С режимом личной власти, ориентированным на порядок, единство страны и ее суверенитет, – заметно меньше (37%). Причем твердых сторонников такого режима (безусловно согласных со вторым суждением) оказалось совсем немного (11%). Хотя и твердых сторонних демократического вектора развития страны чуть меньше, чем тех, кто отдал ей свой голос с оговоркой (30 против 33%) (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Ориентации представителей различных социально-демографических групп на демократизацию, права человека или сильную, единоличную власть

(закрытый вопрос, один вариант ответа, %)

Commitment of Representatives of Various Socio-demographic Groups to Democratization, Human Rights or to Strong Individual Rule (closed-ended question, one answer, per cent)

Социально-демографические группы	**Первое суждение.** Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека, свобода самовыражении личности.		**Второе суждение.** В России демократия не приживается. Страна нуждается в твердой единоличной власти, способной обеспечить порядок, единство страны и ее суверенитет.	
	Безусловно согласен с первым суждением	**Скорее согласен с первым суждением**	**Скорее согласен со вторым суждением**	**Безусловно согласен со вторым суждением**
Среди всех опрошенных	**30**	**33**	**25**	**11**
Возрастные группы				
18-30 лет	36	34	21	8
31-40 лет	29	36	28	8
41-50 лет	30	32	26	11
51-60 лет	27	34	26	12
Старше 60 лет	26	26	27	20
Уровень материального обеспечения				
Хороший	32	37	21	9
Удовлетворительный	29	33	27	10
Плохой	32	28	24	16
Тип населенного пункта				
Мегаполис	30	36	27	7
Областные, краевые, республиканские центры	33	33	23	10
Районные центры	32	32	25	11
ПГТ	26	34	25	15
Село	25	31	29	15

Демократические установки характерны для респондентов самых разных социальных групп и слоев, хотя и в разном соотношении. Если среди молодежи до 30 лет их демонстрируют 70% опрошенных, то поколение старше 60 лет разделилось на две примерно равные части (52% за демократию, 47% против). Немало критически настроенных в отношении демократической альтернативы граждан оказалось также среди плохо материально обеспеченных респондентов и жителей российской глубинки, особенно в сельских поселениях. Характерно также и то, что приверженцев демократии больше, чем ее противников, среди сторонников президента России и его мягких и жестких оппонентов. Особенно интересно распределение мнений среди относительно небольшой части жестких оппонентов В. Путина. Здесь одновременно представлена самая большая доля и “твердых демократов” (34%), и “твердых авторитаристов” (26%). Это

еще раз подтверждает, что оппозиция нынешнему политическому режиму фокусируется отнюдь не только на либеральном фланге.

Исследование также показало, что значительное число россиян не только рассматривают демократию в качестве приоритетного вектора будущего развития страны, но и сохраняют приверженность многим конкретным демократическим ценностям и институтам, запрос на которые сформировался еще в конце 1980-х – начале 1990-х годов (реальную выборность органов власти, свободу слова и печати, передвижения, включая свободу выезда за рубеж, свободу предпринимательства, вероисповедования). Также весьма актуализирован такой важный атрибут демократии, как независимое судопроизводство.

Сам факт появления и укоренения в общественной жизни указанных прав и свобод (даже несмотря на то, что многие из них существенно урезаны и выхолощены) в глазах многих россиян маркирует общественно-политическую систему страны как демократическую. Скажем, реализовать свое конституционное право на свободу передвижения, включая выезд за пределы страны, могут сегодня далеко не все. И не только по экономическим причинам. По неофициальным данным, почти пяти миллионам россиян запрещен выезд за границу. Поэтому вполне возможно, что часть респондентов отмечает важность тех или иных прав и свобод именно по причине их "дефицита" в реальных политических или общественных практиках. Примечательно, что в наибольшей степени демократические права и свободы считают важными для нормальной жизни страны молодежь и хорошо обеспеченные россияне. Но есть две позиции, которые в равной степени важны для всех категорий граждан, включая материально обеспеченных хорошо и не очень. Это независимое судопроизводство и выборность органов власти (см. табл. 4)

Таблица 4 (Table 4)

Востребованность обществом демократических институтов, гражданских прав и свобод

(закрытый вопрос, один вариант ответа, % среди всех опрошенных)
The Society Demand for Democratic Institutions, Civil Rights and Freedoms
(closed-ended question, one answer, per cent of all respondents)

	Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Совершенно не важно
Многопартийность	12	37	33	19
Наличие парламентских институтов (Совета Федерации, Государственной Думы, др.)	13	47	29	12
Свобода предпринимательства	30	49	16	5
Свобода слова и средств массовой информации	40	46	10	4
Свобода выезда за границу	30	43	19	8
Выборность органов власти	39	41	15	6
Независимость суда	53	33	10	4
Свобода вероисповедания	44	40	12	5
Право на участие в мирных акциях протеста (демонстрациях, митингах, забастовках)	21	47	23	9
Местное самоуправление	22	51	19	8

Как видно из приведенных данных, наименее актуализирован комплекс прав и свобод, которые предполагают возможность гражданам непосредственно включаться в политический процесс: право на участие в мирных акциях протеста и в местном самоуправлении. С одной стороны, процент признающих их важными (в той или иной степени) достаточно высок – 69% и 74% соответственно. С другой, тот факт, что практически каждый второй опрошенный считает их "скорее важными", говорит о существенно меньшей востребованности этих прав по сравнению с ранее перечисленными. Еще менее востребованы институты представительной демократии и наличие парламента и многопартийной системы.

За последние 20 лет значимость практически всех прав и свобод снизилась, что отчасти можно объяснить их трансформацией в фактор привычной, обыденной жизни. Лишь в отношении института многопартийности и парламентаризма этого сказать нельзя, поскольку число россиян, полагающих, что страна может обойтись без Государственной Думы и Совета Федерации, выросло весьма существенно: с 29% в 1997 г. до 40% в 2016 г. При этом тех, кто полагает, что возможно обойтись без многопартийной системы, чуть больше половины (52%). Тех, кто убежден, что эти институты "очень важны", что без них политическая система страны эффективно функционировать не может, сегодня совсем немного (12-13%). Одновременно с этим россияне продолжают сохранять приверженность идее выборности власти. Уровень ее поддержки также несколько снизился, но остается на чрезвычайно высоком уровне (81%) (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Динамика востребованности обществом демократических институтов, гражданских прав и свобод *(закрытый вопрос, один вариант ответа, % среди всех опрошенных)*
The Society Demand for Democratic Institutions, Civil Rights and Freedoms (closed-ended question, one answer, per cent of all respondents)

	1997	2006	2016
Многопартийность			
Важно	52	49	48
Не важно	48	51	52
Наличие парламентских институтов			
Важно	71	74	60
Не важно	29	26	40
Свобода предпринимательства			
Важно	81	76	79
Не важно	21	24	21
Свобода слова и средств массовой информации			
Важно	95	88	86
Не важно	5	12	14
Свобода выезда за границу			
Важно	80	68	73
Не важно	20	32	27
Выборность органов власти			
Важно	89	86	81
Не важно	11	15	19

Причин подобного рассогласования в оценках россиян много. Хотелось бы особо обратить внимание на одну из них. Современное поколение россиян считает выборы важным элементом легитимации власти, а свое участие в них – своим гражданским долгом, способом выразить свое отношение к политике и политикам. В то же время многими, особенно молодежью, выборы начинают восприниматься как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. Такое отношение к выборам не в последнюю очередь сформировалось под влиянием личного опыта участия, а также "включенного наблюдения" за деятельностью народных избранников последних нескольких созывов.

Российским избирателям надоели выборы безликих политических брендов или политических вождей, которые вслед за собой приводят в представительные органы власти людей, о существовании которых ни в стране, ни в отдельном регионе до выборов никто ничего не слышал. С этой точки зрения поддержка выборов в качестве ключевого института легитимации власти и одновременно негативное отношение к многопартийности означает не что иное, как запрос на меритократию, т.е. отбор на конкурентной основе лучших и их выдвижение в органы власти всех уровней. Кстати говоря, очень похожий подход демонстрируют граждане соседнего Китая, где значительная часть общества, прежде всего молодежь, полагает, что разделение властей и свободные выборы могут обеспечить эффективное функционирование общественного организма даже в рамках однопартийной системы [Россия и Китай... 2014: 268-272].

Россияне, безусловно, не столь категоричны. Многопартийная система как важный элемент представительной демократии кажется важной практически для каждого второго россиянина. Другой вопрос, что сложившийся в последней Государственной Думе альянс партийных функционеров, бизнесменов и так наз. медийных персонажей (спортсменов, артистов, шоуменов), где практически не осталось различий, в том числе и идейных, между представленными в ней партиями, вызывает доверие лишь 13% россиян. Возврат к смешанной системе выборов в связи с этим имеет чрезвычайно важное значение, открывая возможность хотя бы отчасти реализовать сформировавшийся запрос на ротацию политической элиты, прихода в законодательные органы власти большого числа представителей новой генерации политиков.

Предпосылки для этого, безусловно, есть. Как отмечал накануне выборной кампании известный политолог А. Кынев, система пришла в движение, и подвижки будут продолжаться. С учетом того, что уменьшится число депутатов, избираемых по партспискам, внутренняя борьба за места будет обостряться. Кроме того, неизбежно появятся новые кандидаты – те, кто ранее не участвовал в выборах по разным причинам, и те, кого подняла политическая волна минувших лет [Кынев 2015]. Ход избирательной кампании 2016 г., результаты которго к моменту выхода данной статьи будут уже известны, отчасти подтверждают данный прогноз. В частности, существенно оживили выборный процесс праймериз "Единой России", которые позволили включиться в борьбу многим гражданским активистам и начинающим региональным политикам в основном из числа сторонников Общероссийского народного Фронта, потеснив тем самым в избирательном списке партии некоторых "засидевшихся" в Думе депутатов. Не будь праймериз, вряд ли у многих из них был бы такой шанс. Яркие политики появились и в списках других политических партий (например, в парии "Яблоко", "Партии роста"), а также среди самовыдвижен-

цев в некоторых одномандатных округах. Конечно, далеко не все они попадут в Думу. Да и сам парламент с точки зрения партийно-политической конфигурации вряд ли претерпит существенные изменения. Тем не менее выборная кампания лета 2016 г., и это уже сейчас очевидно, запустила процесс смены политических поколений, что в свою очередь окажет серьезное влияние на эволюцию политической системы в целом уже в ближайшем будущем.

Однако о качественных изменениях системы, тем более о ее демократизации, всерьез можно будет говорить только при условии, если в самом обществе возникнет потребность в демократических переменах, сформируется достаточно многочисленный слой людей, в них заинтересованных. Ведь, как справедливо отмечает Н. Баранов, демократия сама по себе не может накормить народ, обеспечить достойный уровень жизни, решить большинство социально-экономических проблем, наиболее чувствительных для людей. Она может только создать необходимые политические институты и практики, при применении которых возможны наименее болезненные для общества пути решения накопившихся задач в интересах широких социальных слоев [Баранов 2007: 54].

Пока, однако, как уже отмечалось, ориентация большинства населения на статус-кво остается неизменной, а запрос на демократию носит характер "отложенного спроса". В то же время просматриваются контуры "строительного материала" для формирования демократической коалиции. Это "самодостаточные россияне", которые, с одной стороны, ориентированы на стабильность, на конструктивный диалог с властями, а с другой – не нуждаются в государственном патронаже. Они представляют собой не социальную страту, а скорее конгломерат представителей самых разных групп и слоев, объединяет которых готовность к выстраиванию жизненных стратегий в соответствии с собственным пониманием жизненного успеха и способами его достижения. Сегодня ее декларирует свыше 40% россиян.

Характерно, что представители большинства социально-профессиональных групп, как аффилированных с государством, так и не аффилированных с ним, заявляют о готовности решать свои проблемы самостоятельно, обеспечивать себя и свою семью без поддержки государства. Исключение – пенсионеры (что вполне естественно), жители села и рабочие промышленных предприятий и строек. Причем наибольшую готовность демонстрируют, и это несколько неожиданно, инженерно-технические работники, а также работники финансовых компаний, сферы услуг и студенты (см. табл. 6).

Данное соотношение свидетельствует о том, что установка на "самодостаточность" не имеет прямой связи с противопоставлением себя государству. О ней заявляют даже те, кто работает на государство на профессиональной основе (военные, государственные гражданские служащие, работники правоохранительных органов и т.д.).

Безусловно, число реализующих свою самодостаточность практически существенно меньше, чем в ответах интервьюерам, особенно когда речь идет о социальном и политическом участии, и далеко не все они верят в демократическую перспективу России (соотношение верящих и скептиков примерно два к одному). Тем не менее сам факт наличия в обществе значимого сегмента людей, воспринимающих себя именно в качестве граждан (даже не всегда являющихся ими по сути), а не подданными государства, создает предпосылки для эволюции страны в направлении ее большей открытости и законности. Ведь именно появление автономного типа личности дает импульс становлению "свободной социальности",

т.е. общества, обладающего собственными внутренними, отличными от государства и несводимыми к нему механизмами интеграции [Ворожейкина 2016].

Таблица 6 (Table 6)

Готовность респондентов разных социально-профессиональных групп обеспечивать себя и свою семью без поддержки государства, *% (закрытый вопрос, один вариант ответа)*
Readiness of Respondents from Various Socio-professional Groups to Support Themselves and Their Family without Support of the State, per cent (closed-ended question, one answer)

Социально-профессиональные группы	Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить
Все опрошенные	**44**	**56**
Рабочие промышленности, строительства и т.п.	47	53
Инженерно-технические работники с высшим образованием	65	35
Работники сферы обслуживания и транспорта	51	49
Работники финансовых компаний и сферы услуг с высшим образованием	62	38
Работники бюджетной сферы (образование, здравоохранение, культура, управление) с высшим образованием	55	45
Работники бюджетной сферы без высшего образования	48	51
Военные, работники МВД, налоговых органов	52	48
Студенты вузов	59	41
Городские пенсионеры	16	84
Жители села	42	58

Пока мы находимся лишь на начальной стадии социальной трансформации, а “самодостаточная” часть общества, так же, как и большая часть политической и экономической элиты и население в целом, пребывают в некоторой растерянности, дезориентации в отношении настоящего и будущего страны. Сохраняется инерция, надежды на то, что все само как-нибудь пройдет, надо лишь немного потерпеть, ничего не меняя по существу. В то же время все большее число людей понимает, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно благополучное десятилетие, страна вряд ли сможет успешно двигаться вперед. Общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую жизнь, так как умножающиеся вызовы, с которыми сталкивается страна и с которыми государство в одиночку уже не справляется, объективно востребуют энергию общественной самодеятельности.

Баранов Н.А. 2007. Политический режим современной России. – *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* № 35. Т. 8. С. 54-63.

Ворожейкина Т.Е. 2016. Авторитарный режим и общество: разрушение или сопротивление. – *Полит.ру*. Доступ: http://polit.ru/article/2016/06/05/authoritarianism/ (проверено 27.06.2016).

Колесников А.В. 2016. Возможен ли в России транзит к демократии. – *Московский центр Карнеги*. Доступ: http://carnegie.ru/publications/?fa=63436 (проверено 27.06.2016).

Красин Ю.А. 2009. *Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты*. М.: Институт социологии. 496 с.

Кынев А.В. 2015. Каким будет партийный расклад в 2016 году? – *РБК*. Доступ: http://rbcdaily.ru/politics/562949994783987 (проверено 27.06.2016).

Никонов В.А. 2003. Путинизм. – *Современная российская политика: Курс лекций*. М.: Олма-Пресс. 222 с.

Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Под ред. И.М. Клямкина. 2014. М.: Новое издательство. 624 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая. 2015. Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. Институт социологии РАН. М.: Весь Мир. 336 с.

Россия и Китай: молодежь XXI века. Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. 2014. М.: Новый хронограф. 424 с.

Тренин Д.В. 2015. Россия порвала с однополярной системой: побудительные мотивы политики Путина. – *Московский центр Карнеги*. Доступ: http://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_Rus_Web2015.pdf (проверено 27.06.2016).

Фурман Д.Е. 2010. Политическая система постсоветской России ее жизненный цикл. – *Россия. Российские трансформации в контексте мирового развития*. М.: Логос. С. 123-197.

Шульман Е.М. 2014. Царство политической имитации. – *Ведомости*. Доступ: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/15/carstvo-imitacii (проверено 27.06.2016).

DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02

THE CRISIS REALITY AND PROSPECTS OF POLITICAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

V.V. Petukhov[1]

[1]*Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

PETUKHOV Vladimir Vasilevich, Cand. Sci. (Philos.), Head, Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Email: petuhovvv@mail.ru

Received: 13.06.2016. Accepted: 27.06.2016

Acknowledgments. This article was prepared with financial support provided by the Russian Science Foundation (research grant № 14-28-00218).

Abstract. On the basis of results of the sociological monitoring study held by the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, the author analyzes the features of the "new crisis reality" and its influence on the political process in contemporary Russia. The author also pays attention to the citizens' perception of activities of the authorities of different levels and of the key public agencies. It is noted in the article that the reorientation of the mass attention from the foreign policy agenda to the problems of the everyday practices substantially reduced the level of confidence in the majority of the state and public institutions to the one of the "Crimean period". At the same time, in accordance with the sociological data, social reaction to the crisis is "childish": Russian society seeks no economic or political changes and associates all its hopes for coming out of the crisis with the head of the state. In this context, the author focuses on the prospects for the evolution of the political regime and for the possible reaction of the Russian society to one or another way of this evolution. The author particularly tries to answer the question whether there are social preconditions for the rebirth of the "super-presidential republic" to an authoritarian personalized regime. Building his analysis on the sociological data, the author gives

a negative answer to this question, noting that most Russians associate the future of their state with the type of organization of public life that ensures human rights, freedom of expression of the individual, i.e. with democracy. They do it even in spite of the critical attitude to the "Russian version" of democracy. It is also noted in the article that one can observe contours of a future coalition that is interested in the "Russian version" of democracy. This coalition of the so-called "self-sufficient Russians", on the one hand, focuses on stability and on constructive dialogue with the authorities, and on the other hand, these "self-sufficient Russians" do not need government patronage.

Keywords: crisis; new reality; democracy; political institutions; trust in the political regime; president; civil rights; self-sufficient Russians.

References

Baranov N.A. Political Regime of Modern Russia. – *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2007. No. 35. Vol. 8. P. 54-63. (In Russ.)

Vorozsheykina T.E. The Authoritarian Regime and Society: the Destruction or Resistance. – *Polit.ru*. 2016. URL: http://polit.ru/article/2016/06/05/authoritarianism/ (accessed 27.06.2016). (In Russ.)

Kolesnikov A.V. Is the Transit to Democracy Possible in Russia. – *Carnegie Moscow Center*. 2016. URL: http://carnegie.ru/publications/?fa=63436 (accessed 27.06.2016). (In Russ.)

Krasin Yu.A. *Metamorfozyi rossiyskoy reformatsii. Politicheskie syuzhetyi* [Metamorphoses of the Russian Reformation. Political Plots]. Moscow: Institute of Sociology. 2009. 496 p. (In Russ.)

Kynev A.V. Kakim budet partiynyiy rasklad v 2016 godu? [What the Party Balance Will Be in 2016?]. – *RBC*. 2015. Access: http://rbcdaily.ru/politics/562949994783987 (accessed 27.06.2016) (In Russ.)

Nikonov V.A. Putinizm [Putinism]. – *Sovremennaya rossiyskaya politika: Kurs lektsiy* [Contemporary Russian Politics: a Course of Lectures]. Moscow: OLMA-Press. 2003. 222 p. (In Russ.)

Rossiyskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. I.M. Klyamkina [Russian State as It Was Yesterday, Today, Tomorrow. Ed. by I.M. Klyamkin]. Moscow: Novoe izdatelstvo. 2014. 624 p. (In Russ.)

Rossiyskoe obschestvo i vyizovyi vremeni. Kniga pervaya. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova [Russian Society and the Challenges of Time. The First Book. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov]. Moscow: Ves Mir. 2015. 336 p.

Rossiya i Kitay: molodezh XXI veka. Otv. red. M.K. Gorshkov, Li Chunlin', Z.T. Golenkova, P.M. Kozyreva [Russia and China: the Youth of the XXI Century. Ed. by M.K. Gorshkov, Li Chunlin, Z.T. Golenkov, P.M. Kozyreva]. Moscow: Novyiy hronograf. 2014. 424 p. (In Russ.)

Shulman E.M. 2014. The Kingdom of Political Simulation. – *Vedomosti*. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/15/carstvo-imitacii (accessed 27.06.2016). (In Russ.)

Trenin D.V. Russia Broke with an Unipolar System: the Motives of the Putin's Policies. – *Carnegie Moscow Center*. 2015. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_Rus_Web2015.pdf (accessed 27.06.2016). (In Russ.)

Furman D.E. Politicheskaya sistema postsovetskoy Rossii ee zhiznennyiy tsikl [The Political System of the Post-Soviet Russia Its Life Cycle]. – *Rossiya. Rossiyskie transformatsii v kontekste mirovogo razvitiya* [Russia. Russian Transformations in the Context of Global Development]. Moscow: Logos. 2010. P. 123-197. (In Russ.)